

5. См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 11-18.
6. Побережников И.В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 53-66.
7. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 2-е изд. М.: Дело, 2005.
8. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2003.
9. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
10. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952
11. Корнаи. Я. Социалистическая система. Политическая экономия социализма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000. С.397-401.
12. Maddison A. The World Economy: a Millennium Perspective. Development Centre of the OECD. Paris, 2001;
13. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. / Под ред. И.С. Колева. М.: Экономистъ, 2003;
14. Мировая экономика: прогноз до 2020 года/ Под. Ред. акад. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2008 и др.
15. Rostow W. The Takeoff into Self-Sustained Growth // Social Change: Sources Patter and Consequences / Etzioni E. eds N. Y.: Basic Books, 1973. P. 285–286.
16. Попов В. Закат плановой экономики // Эксперт. 28 декабря – 18 января 2009 г. № 1. С. 77.

В.П. Тимошенко

Азиатская Россия и мировой рынок: резонанс индустриального освоения (1950 – 1980-е гг.).

Заинтересованность в расширении и углублении сотрудничества по освоению ресурсов Азиатской России в последние десятилетия советской эпохи, проявляемая западными партнерами далеко не всегда материализовывалась в конкретных программах. Большинство советских предложений не были поддержаны кредитами и торговыми сделками даже в странах, остро нуждавшихся в сырьевых материалах и продуктах их переработки, производство которых по разным причинам внутри этих стран не покрывало потребностей. Да и реализованные совместные проекты в большинстве случаев не достигли договорных масштабов.

Парадоксы во взаимоотношениях партнеров наводят на мысль о существовании барьеров и ограничителей сотрудничества. Сдерживающие факторы, видимо, стоит просмотреть специально. В их действии сыграли роль как особенности в политических взаимоотношениях Запад-Восток, так и

политико-правовые характеристики системы внешнеэкономических связей СССР. Но, безусловно, все ограничения масштабов внешнеэкономического взаимодействия имели политический характер.

Гигантские по своим масштабам программы освоения Урала, Сибири и Дальнего Востока объективно оказывали влияние на систему политических взаимоотношений в мире, так как этот фактор мирового и регионального развития существенно видоизменял интересы ведущих держав, в какой-то степени задавая их. Действительно, многие из заявленных проектов, катализировавших интересы зарубежных предпринимателей, вызвали неожиданные изменения как в отношениях между СССР и отдельными зарубежными государствами, так и в западном мире вообще. И в то же время осуществленные и не вышедшие из стадии проработки совместные проекты с западными партнерами наводят на мысль об обратном, весьма значительном, влиянии политических отношений на собственно процессы сотрудничества. Западногерманская исследовательница Йоганна Роос, изучая комплекс проблем промышленного продвижения в восточные регионы СССР, очень образно обозначила ситуацию освоения как драматическую конфликтность между экономикой и политикой [1]. Ярко выраженные внешнеторговые аспекты освоения Азиатской России обострили столкновение интересов и борьбу политических ориентаций в деловых кругах Запада. Большой интерес в связи с этим представляет чередование политических концепций отношений Восток-Запад, каждая из смен которых в тех или иных странах подхлестывала партнеров к участию в освоении огромного региона.

Как известно, 1950-е гг. знаменовались новым усилением отношений конфронтации между двумя общественно-политическими блоками. Это непосредственным образом отразилось на торгово-экономических отношениях: была установлена кредитная блокада, эмбарго на поставку большинства необходимых СССР товаров (списки КОКОМ включали более 2,8 тыс. товарных позиций). Лишь с начала 1960-х гг. устанавливаются долгосрочные контакты с отдельными зарубежными банками и фирмами, заинтересованными в разработках сырьевых ресурсов (компенсационные сделки по поставкам нефти в Западную Европу, лесные соглашения с Японией и т.д.), а позднее расширяется сотрудничество на международном уровне. На масштабы этих связей непосредственно оказывали влияние смены господствующих политических представлений в деловых кругах относительно характера и условий экономических связей с Востоком. Рассмотрим основные из господствующих позиций.

Позиция отказа от торговли с Востоком. Была господствующей в 1950-е – первой половине 1960-х гг. Ее значение усилилось на рубеже 1970-х – 80-х гг. Среди сторонников концепции наиболее важную роль в политической жизни играли: Д. Картер, К. Уйанбергер, Р. Рейган. Идеоло-

гическое обеспечение этой позиции принадлежало перу крупных западных ученых: Карла Герммана, Майкла Костина, Чарлза Уолфа, Джеймса Стюарт-Смита. В аргументации сторонников свертывания контактов на первом плане стояло сопоставление интересов возможных партнеров и их итог: 1) торговля с Востоком приносит выгоды только социалистическим странам, страны Запада терпят ущерб в сферах экономики, политики, безопасности; 2) торговля укрепляет потенциального противника – всякий импорт для СССР ничто иное, как возможность использовать высвободившиеся ресурсы для военного производства.

Сторонники отказа от торговых связей исходили из конфронтационной модели развития мира. Отношения Восток-Запад по этой модели в принципе не могли выйти из рамок противоборства, а поскольку СССР и его союзники все в большей степени попадали в зависимость от передовой западной технологии, машин и оборудования, сельскохозяйственной продукции, то эмбарго и ограничения торговых связей – лучший способ ослабить противника в экономическом, политическом и военном отношении. Из этих рассуждений логически вытекал вывод о необходимости использования политических мер по ограничению торговли. Среди них наибольшей популярностью пользовались свертывание кредитных отношений и ограничения на поставку технологии и оборудования. Такие действия серьезно ослабили эффект сотрудничества в разработках месторождений сибирской нефти и создании транспортных возможностей экспорта энергоносителей (проект «Газ-трубы»).

Позиция содействия торговле Восток-Запад. Сложилась во второй половине 1960-х гг. и была господствующей на протяжении 1970-х гг., ее значение усилилось во второй половине 1980-х гг. Юлиус Нетцольд, специалист по проблемам экономического сотрудничества между Востоком и Западом, считал: «Расширение экономических отношений в 70-х гг. привело к возникновению определенного уровня переплетения между Востоком и Западом, которое явно способствовало сохранению в Европе заинтересованности в разрядке, несмотря на неудовлетворительное развитие событий в области политики, безопасности» [2].

Концепцию «содействия» разделяли представители деловых кругов Западной Европы и Японии, которые поддерживали контакты с СССР и были экономически заинтересованы в долгосрочных крупномасштабных совместных проектах. В политике ее представляли Зигмунд Купнер, Ганс Хеман, Гельмуд Шмидт, Бернард Байц и др. Для обоснования концепции использовались следующие аргументы, также опирающиеся на сопоставлении интересов и выделении возможных выгод от сотрудничества. 1) Политика запретов вряд ли осуществима ввиду наличия у соперника мощного экономического потенциала, а также из-за разногласий между Западной Европой, Японией и США; 2) рост сотрудничества Запада со странами СЭВ

позволил бы Западу влиять на эти страны; 3) угрозы применения эмбарго способствуют укреплению экономического союза стран Востока; 4) СССР, обладающий ресурсами, представляет собой в долговременной перспективе интересный и открывающий широкие перспективы рынок. Именно в 70-е гг. были осуществлены крупные компенсационные сделки по развитию нефтехимии и лесохимии на Урале и в Сибири. Но сторонники концепции «содействия» все же стремились установить лимиты в отношениях сотрудничества, чтобы, во-первых, не попасть в зависимость от поставок сибирского сырья, а значит – обезопасить себя от возможности политического давления с помощью мер «перекрытого крана», и, во-вторых, чтобы не выйти за рамки сырьевых контрактов и не создавать на внутреннем рынке условий для сбыта советской продукции глубокой переработки.

Позиция «взаимоуязвимых уступок». Представляла собой промежуточный между конфронтацией и сотрудничеством вариант экономического взаимодействия. Суть его в стремлении сохранить и развивать торгово-экономические отношения с СССР, при условии, что партнер пойдет на односторонние уступки внешне- и внутривнутриполитического характера в русле «хорошего поведения» в ответ на шаги Запада по расширению торговли. Эта позиция предусматривала применение частичных и ограниченных во времени санкций, связанных с политическими требованиями. Среди сторонников этой концепции были в основном представители науки и политические деятели второго эшелона. Наибольший вклад в ее утверждение внесли Сэмюэл Хантингтон, Ричард Пайпс, Генри Киссинджер, Юрген Репке, Ганс Майер, Билл Донгес, Юлиус Нетцольд.

«Взаимоуязвимые уступки» в торговле с Востоком по мнению сторонников концепции предпочтительны гибкостью отношений. Во-первых, экономические связи представляют больше шансов для давления на СССР, чем политика изоляции. Во-вторых, предложения для установления долгосрочного экономического сотрудничества легче связать с требованиями в политической области. В-третьих, зависимость промышленно-развитых стран от СССР в торговле меньше, чем наоборот, и, следовательно, можно не опасаться некоторого продвижения по пути экономического сотрудничества. В-четвертых, имеется возможность расширить зависимость СССР от западной технологии, кредитов, продовольствия в целях получения от него односторонних политических уступок. В-пятых, рынок СССР представляет собой существенную часть сбыта заинтересованных стран Запада, которым следует не отказываться, а бороться за него.

Нельзя утверждать, что каждая из концепций, даже в периоды господствования, однозначно определяла торгово-экономические отношения в процессе освоения Азиатской России. Зачастую политическое влияние складывалось из сложного переплетения различных ситуаций, столкновения позиций и игры на разногласиях заинтересованных сторон. Это обуслов-

лено тем, что Урал и Сибирь с их индустриальной перспективой уже с середины 1960-х гг. рассматривалась как фактор глобальной политики. Сдвиг производительных сил на Восток в процессе освоения выводил обширный регион фасадом на экономически стремительно растущую Японию, пробуждающуюся Азию с необозначенными политическими ориентирами и страны Тихоокеанского бассейна. По мнению С. Кирби «... Сибирь – как кладовая ресурсов, находясь в прекрасной позиции для размещения вооружений, – представляет собой значительную часть статуса СССР в качестве супердержавы и ее возможностей в глобальном смысле»[3]. Соединение экономических и стратегических аспектов освоения региона и вызвало обострение политических разногласий вокруг совместных проектов. Показательно, что противодействие через политические рычаги расширению зарубежного участия в освоении Азиатской России оказывали США, тогда как позиции западноевропейских стран и Японии чаще подвергались изменениям. Вызвано это было, видимо, стремлением не допустить усиления советского влияния в Азии.

На фоне политической конфронтации, и ее ослабления в течение 1960–70-х гг. форсированные темпы освоения ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока выглядели заметным политическим явлением и весомым фактором мировой политики. В обсуждении сибирских проектов в связи с таким положением дел заинтересованные стороны не могли не учитывать политическую подоплеку торгово-экономических связей. На уровне правительственных проработок, содержащих колоссальные по масштабам хозяйственные предложения, часто в действие вступали принципы политической экспертизы проектов. Даже реализованные с преодолением политического давления программы вызвали цепную реакцию экономико-политических проблем и разногласий между партнерами. Расширение экспортных поставок сибирской нефти на принципах компенсации в течение 1960–70-х гг., например, при явной заинтересованности в них западноевропейских партнеров, на каждой стадии отношений приносило дополнительные виражи в спорах о поставках труб большого диаметра и компрессорных станций для нефте- и газопроводов. По существу, исход каждого из проектов высвечивался в ракурсе политических взаимоотношений между участниками, причем без обязательного присутствия в этих конфликтах советской стороны.

С углублением в 1960-е гг. сотрудничества с западноевропейскими странами в разработке месторождений энергоносителей в Сибири, появился стабилизирующий фактор в отношениях Восток-Запад, несмотря на реальные опасения, что Советский Союз использует поставки нефти и газа в целях политического давления. Юлиус Нетцольд утверждал, что укрепление экономических связей с Востоком и влияние их на политические про-

цессы, а также политику безопасности на рубеже 1960–70-х гг. составило основу разрядки [4].

В самом же западном мире компенсационные соглашения по сибирским программам сыграли роль дестабилизирующего фактора. Геополитическое положение Европы подталкивало ее к посредничеству между великими державами. Возникли разногласия и трения между союзниками. Для стран Западной Европы расширение сотрудничества с СССР по сибирским проектам означало достижение лучших условий обеспечения сырьем на выгодной обеим сторонам долгосрочной основе, так как позволяло деконцентрировать источники поставок и увеличить мобильность производства. Для зависимых от импорта сырья и энергоносителей стран деконцентрация источников поставок – важная мера для устойчивого экономического развития. К тому же для них открывался обширный и емкий рынок для сбыта соответствующих видов материалов и оборудования. Этим объясняется, частично, некоторая «строптивость» европейских союзников США в вопросе о поставках труб и компрессорных станций для линии Уренгой-Помары-Ужгород.

Принцип деконцентрации источников поставок сырья и энергоносителей, нужно заметить, сыграл также роль ограничителя расширения контактов в освоении Азиатской России. Речь идет о том, что долгосрочные компенсационные соглашения в редких случаях выходили из пределов добывающих отраслей и создания транспортных коммуникаций. Компенсационные соглашения по созданию производств глубокой переработки с выплатой задолженности по кредиту готовыми изделиями или полуфабрикатами, вызывали резкую критику внутри стран-партнеров, в первую очередь со стороны профсоюзов: такие сделки неизбежно приводили к сокращению соответствующих производств и нарастанию социальной напряженности. Под давлением производителей, правительства шли на свертывание связей или уменьшение их масштабов, как в случае со строительством Томского нефтехимического комбината. Для советской стороны, как раз, большой интерес представляло целевое кредитование на условиях компенсации не совместных разработок сырьевых месторождений, а на создание объектов современной индустрии [5].

Приведенные рассуждения позволяют утверждать, что политика торговых отношений 1960–80-х гг. по развитию сотрудничества основывалась на многослойной мотивировке, учитывавшей как возможные экстремальные политические условия, так и текущие проблемы политического свойства. Но единства действий участников сибирских проектов сложиться не могло, так как политика ограничений не опиралась на единство интересов. Поэтому оказалось возможным использовать при формулировании западными державами предложений по участию в сибирских проектах имеющихся в западном мире расхождений и различных ориентаций. Конечно же, с этим

связано сокращение масштабов сотрудничества. Йоганна Росс замечала, что «политические призывы и хозяйственно-политические побуждения и катализации двух- и многосторонних связей в освоении Сибири» можно было реализовать только при уменьшении «давления политических вопросов» и отказавшись от попыток вмешательства»[6]. Это замечание высвечивает самую сложную позицию в отношениях партнеров, ведь, как уже отмечалось, зарубежное участие в освоении восточных регионов страны не носило сугубо экономического характера. Политические и стратегические соображения в большинстве случаев, при обсуждении предложений, брали верх [7].

Освоение ресурсов Азиатской России нельзя рассматривать иначе, как составляющую общего развития советского народного хозяйства. И в этом плане особого внимания заслуживает утверждавшаяся в течение 1960–80-х гг. западная ориентация экспортных товаропотоков из региона, тогда как, казалось бы, предпочтительнее использовать возможности азиатских рынков. Решающую роль в этом сыграла сложившаяся на Дальнем Востоке политическая ситуация. Ее можно обозначить как трехзвенное соотношение СССР–Япония–КНР, при активном воздействии внешнеполитической позиции США.

Заклученные и обсуждавшиеся в течение 1960–80-х гг. совместные с Японией проекты, могли вывести Японию на роль основного зарубежного партнера в освоении Сибири и Дальнего Востока. Перспективы виделись широкими, и для такого видения, казалось бы, были реальные основания. К основным способствующим развитию торговых отношений факторам относились: географическая близость, величина и емкость сибирского рынка и динамическое развитие японской экономики, а также подчеркнутое удовлетворение в импорте – Япония нуждалась в сырье, советская сторона – в продукции современной индустрии для технического обеспечения программ освоения восточных районов. По оценкам западных наблюдателей причиной нежелания Японии вступать в более тесное сотрудничество служила позиция СССР в вопросе о «северных территориях».

Политическое влияние США во многом было обусловлено совпадением интересов. Япония, например, соглашалась со стремлением США покрыть свой дефицит торгового баланса увеличением поставок нефти и газа с Аляски. Поскольку для важнейших отраслей японской промышленности американский рынок представлял больший интерес, чем советский, Япония не стремилась к значительному расширению ввоза энергоносителей из СССР. Тюменский проект, поэтому, в процессе обсуждений несколько раз корректировался в сторону уменьшения масштабов.

Партнеры не могли договориться об одинаковом понимании ценообразования в рамках осуществления проектов: японцев интересовали цены, обеспечивающие прибыль, советскую сторону устраивали цены мирового рынка. Так, не удалось договориться по условиям кредитования. Совет-

ский Союз был заинтересован в кредитах на долгосрочной основе. Япония предпочитала обеспечить оборот средств в течение короткого времени, отказывалась рассматривать партнера в качестве развивающейся страны, а значит и претендующей на удешевление кредитов в порядке экономической помощи. Позиция Японии в вопросе об условиях кредитования вызвана была тем, что в японском экономическом росте в указанный период ощущался недостаток капитальных возможностей, который японцы сами вынуждены были уравнивать через дорогостоящие кредиты на Западе.

При обсуждении предложений по участию в сибирских проектах острой была также неудовлетворенность японской стороны советским стремлением ограничить сотрудничество техническим содействием и гарантированным кредитованием. Японские предприниматели хотели бы непосредственно участвовать в работах по разведке, освоению и использованию месторождений ресурсов. Сложность работ и их рискованность могли бы, по их предложениям, компенсироваться предоставлением права на преимущественные условия. Между тем, склонность партнеров в этой форме в 70-х гг. реализовалась только в сахалинском проекте. В этом направлении сотрудничество сдерживалось боязнью СССР, что зарубежные участники, участвуя в разведке ресурсов, получают информацию, подрывающую безопасность государства. Японцы, хорошо представляя неповоротливую советскую хозяйственную систему, считали, что пока не улучшится информационный поток, ширококомасштабное сотрудничество не имеет будущего. Долгосрочные сделки на предлагаемых условиях могли обернуться для японских предпринимателей потерями за счет замедления оборота капиталов, и, следовательно, приглашение к участию в проектах не вызывали широких откликов.

Решение проблемы «северных территорий», по мнению многих зарубежных экспертов, сделало бы участие Японии в освоении Сибири более заинтересованным, так как советские концессии из предложений переросли бы в действие. Западногерманские экономисты Й. Беткенхаген и Х. Маховски считают, что японской стороне следовало бы пойти на уступки в своих островных претензиях, считая, что в ее руках имеется «мощный рычаг для решения этого вопроса иными средствами и ее мощь измеряется быстро растущей экономической и политической ролью»[9].

И, действительно, несмотря на интенсивные усилия с обеих сторон, территориальный вопрос заметно сдерживал расширение сотрудничества в рамках сибирских проектов. Япония многое потеряла в этой конфронтации. Во всяком случае, необходимое оборудование, машины и материалы для освоения месторождений сырья и энергоносителей из Западной Европы поставлялись с немногим большими затратами. К тому же, для усиления активности СССР в Западной Европе были основания: большая готов-

ность к закупкам советского сырья, которая поддерживалась значительным превышением СССР в торговом итоге.

Некоторое сдерживающее влияние на японские интересы в освоении Азиатской России оказывала Китайская народная республика. Для сравнения масштабов связей между тремя государствами интересно сопоставление удельного веса СССР и КНР в внешнеторговом обороте Японии. Например, в период осложнения отношений в связи с политикой ограничений и эмбарго в 1979 г. внешнеторговый оборот между Японией и СССР составил 4,1 млрд. долларов, тогда как между Японией и Китаем – 6,7 млрд. долларов [10].

КНР рассматривала советскую активность в Сибири и на Дальнем Востоке исключительно под военным углом зрения, подвергая все усилия к расширению сотрудничества жесткой критике. Проблема советского военного присутствия на Дальнем Востоке объединила позицию США, Японии и КНР в отношении проектов освоения региона, как стремление установить форпост для советского влияния в Тихоокеанском бассейне. Особенно усилилась напряженность с началом строительства БАМ, в котором Японией и КНР усматривались преимущественно стратегические аспекты. «В случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке с Китаем БАМ станет важнейшим фактором в противостоянии, – так передавали китайскую оценку стройки Г. Верхамм и Р. Фуртмайер, – Из этого, в том числе, основания вытекает нежелание Японии участвовать в строительстве магистрали, которая дает русским важное преимущество в случае конфронтации на Дальнем Востоке» [11]. Китайское руководство считало, что через усиленное стремление вовлечь Японию в освоение ресурсов Сибири СССР надеется согласовать внешнеполитическую ориентацию и с помощью Японии избежать негативно складывающееся для себя соотношение сил в Восточной Азии.

Критика «стратегических» аспектов освоения резко усилилась после введения советских войск в Афганистан. Только в новых условиях осторожное отношение к индустриальному развитию восточных районов СССР обернулось политикой торговых ограничений и эмбарго на поставки технологии и необходимого для реализации программ оборудования.

Весь комплекс политических отношений между государствами, вошедший в историю под названием «холодной войны», таким образом, лимитировал масштабы и характер сотрудничества в освоении ресурсов восточных регионов страны. В сочетании с внутренними политическими «экспертизами» экономического взаимодействия с внешним миром, внешнеполитические условия сотрудничества составили труднопреодолимый барьер. Сибирские проекты оказались зажатыми между экономическими и политическими мотивациями освоения, что обусловило низкую результативность их осуществления.

Принимаемые решения по развитию внешнеэкономических связей стимулировали развитие сырьевого экспорта и шли вразрез с экономической целесообразностью. Во-первых, нефть и сырьевые ресурсы поставлялись по разным ценам и на разных условиях социалистическим, капиталистическим и развивающимся странам; во-вторых, несовпадение внутрисоюзных и внешнеторговых цен с полным отчислением валютной прибыли на отраслевые нужды выступало тормозом для технологического обновления производства и, следовательно, расширения экспорта; в-третьих, плата за природные ресурсы для экспортных производств, транспортные тарифы и т.д. толкали предприятия на путь экстенсивного развития и предпочтения участия в мирохозяйственном обмене на рынках сырья и полуфабрикатов (элемент спекулятивного использования внутреннего хозяйственного механизма). Действующие нормативы хозяйственной деятельности внутри страны стимулировали ввоз необходимой продукции из-за рубежа и оплату ее наращиванием сырьевого экспорта. Западные наблюдатели сравнивали быстрое продвижение Советского Союза по этому пути с «технологическим самоубийством».

Обеспеченный импортом прогресс отдельных отраслей производства оказался многократно перекрытым ущербом, нанесенным экономике, подрывом собственных инженерно-технических усилий.

Попытка единовременного ввоза технологии и оборудования для обрабатывающей промышленности в обмен на сырье из восточных регионов провалилась. Не проведя широкой модернизации производственной базы отечественной промышленности, рассчитывать на значительное развитие новых форм сотрудничества с Западом не приходилось. Вместо равносильного собственного вклада, предусмотренного стратегией освоения, усиливалась технологическая зависимость, а регион выступал в качестве «сырьевого погребца» развитых промышленных стран.

Стремление получать все более значительные кредиты под освоение региона (как это было с проектом БАМ) с целью модернизации экономики и создания мощного экспортного потенциала с перспективой последующего совершенствования производства собственными силами не учитывало печальных уроков недавнего прошлого. А прежний опыт (60–70-х гг.) свидетельствовал о неэффективном использовании западных кредитов. И это обуславливалось не столько субъективными недоработками, сколько исторически сложившимся несоответствием отечественных условий хозяйствования тем критериям, на которые ориентирован механизм рыночного кредитования: наличие развитой производственной инфраструктуры и достаточно высокий уровень смежных производств, либо возможность компенсации того и другого импортом, оптимальные сроки выхода на проектную мощность и т.д. Чтобы преодолеть указанное несоответствие, учитывая диа-

пазон отставания обрабатывающих отраслей, был расширен импорт, далеко не всегда соотносящийся с экономической целесообразностью.

В процессе реализации компенсационных соглашений выявилась еще одна трудность во взаимоотношениях партнеров. Оказалось невозможным гарантировать успешный сбыт на Западе продукции созданных на кредитной основе производств и, следовательно, обеспечить условия для самопогашения кредитов. Любой сбой в самокомпенсации кредитов (ухудшение конъюнктуры рынка и т.д.) вынуждал расширять поставки невозобновляемых природных ресурсов – единственного экспортного резерва страны. А поскольку к моменту погашения кредита его сумма фактически удваивалась за счет процентов, потребность в наращивании топливно-энергетического экспорта принимала катастрофические размеры. Особенно болезненно отразилось на состоянии народного хозяйства устойчивое снижение цен на сырье и энергоносители, начавшееся с 1980 г.

Таким образом, в 1950–80-е гг. неблагоприятная структура экспортно-импортных операций, свойственная внешнеэкономическим связям страны, усилилась под воздействием сложного переплетения внутрихозяйственных и внешнеэкономических условий. Политические барьеры имели действие эффективных ограничителей сотрудничества.

Не оправдали себя в силу этого колоссальные затраты на освоение восточных районов страны – внешнеэкономические аспекты крупных программ (модернизация уральской металлургии, освоение Обского Севера, Канско-Ачинского бассейна, зоны БАМ и др.) не вышли за рамки форсированной разработки месторождений ископаемого сырья.

Примечания

1. Roos Yh. *Sibirien zwischen Okonomie und Politik. Zur Erschliessung der Energietrager Erdol und Erdgas.* Koln, 1984. S. 243.
2. *Aussenpolitik.* 1981. H.4. S. 380.
3. Kyrbj S. *Siberia and the Soviet Far East. Resources for the future.* London, 1984. P.47.
4. *Aussenpolitik.* 1981. H.4. S. 380.
5. Herleman H. *Aussenpolitische Implikationen der Erschliessung Sibiriens// Sibirien: Ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem.* Berlin, 1986. S.89.
6. Roos Yh. *Op. cit.* S. 130.
7. См. подр.: *Внешняя торговля.* 1986. №10. С.35-38.
8. *Проблемы Дальнего Востока.* 1982. №1. С.22-34.
9. Bethkenhagen Y. Machowski H. *Die Rolle Asiens in der sowjetischen Aussenwirtschaftspolitik // Berichte des Bundesinstituts fur ostwissenschaftliche und internationale Studien.* Koln, 1982. N35. S. 26.
10. Herleman H. *Op. cit.* S.91.
11. Bernheim G. Fuhrteimer R. *Sowjet-Sibirien und seine Rohstoffreserven // Aussenpolitik.* 1977. №3. S.319, 328.